

Голоса молодых исследователей

С. В. Затуло

**НАРРАТОР В СТРУКТУРЕ ЗАГОЛОВОЧНО-ФИНАЛЬНОГО
КОМПЛЕКСА «АДЫ» В. В. НАБОКОВА**

The article deals with the problem of the opening-final complex (paratext) of V. V. Nabokov's novel «Ada or Ardor: A Family Chronicle». «Ada»'s paratext consist of such elements as title, publisher's forewarning, dedication and «Comments to "Ada"» by Vivian Darkbloom. The article makes an attempt to analyze of title's complex and final's element. It's allow to draw a conclusion that «Ada»'s paratext not only carries an information of text's comprehension, but locally presents novel's narrators.

Key words: V. V. Nabokov, opening-final complex, novel, narrator.

Исследователи творчества В. В. Набокова называют роман «Ada or Ardor: A Family Chronicle» («Ада, или Радости страсти: Семейная хроника») «итоковым» произведением. Он включил в себя все основные темы, мотивы и образы, характерные для автора. Б. Бойд отмечает: «В "Аде" есть всё, что Набоков считал в жизни существенным... Набоков разобрал весь свой мир по кусочкам, чтобы тщательно сложить их заново – один к другому и воплотить в них весь познанный им смысл и волшебство»¹.

В. В. Набоков долго вынашивал замысел «Ады», начиная с 1958 г., когда собирал материал для произведения «Ткань времени», потом – для «Писем с Терры». Собственно работа над романом началась в 1963 г., а в свет «Ада» вышла только в 1969-м. Роман был очень разрекламирован, все читатели ждали чего-то вроде продолжения «Лолиты». «Ада» попала по инерции в список бестселлеров, но уже через несколько недель на него набросились рецензенты, видя в нём что-то невыносимо высокомерное, обвиняя Набокова в холодной рассудочности, заносчивом эстетизме, нарциссическом самолюбовании и снобистском презрении к читателю². Принято считать, что непонимание читателями «Ады» и просьбы переводчиков романа заставили В. В. Набокова написать примечание к роману. Эти авторские заметки, оформленные от лица вымышленного автора – Вивьен Дамор-Блок, отсутствовали в первом

¹ См.: Бойд Б. Владимир Набоков: Американские годы: Биография. СПб., 2004. С. 607.

² Там же.

американском издании и неожиданно появились в массовом издании, выпущенном в издательстве «Penguin Books» в апреле 1971 г.

На русский язык «Ada or Ardor: A Family Chronicle» была переведена уже после смерти автора. Известно три перевода этой книги разными переводчиками и коллективами переводчиков. Первый перевод О. Кириченко, А. Гиривенко и А. Дранова печатался под названием «Ада, или Страсть: Хроника одной семьи» (Киев: Аттика, Кишинёв: Кони-Велес, 1995). Другой перевод принадлежит О. Кириченко и озаглавлен как «Ада или Эротиада» (такое заглавие наиболее соответствует оригиналу фонетически). Мы будем опираться на третий перевод романа, перевод С. Ильина, впервые изданного в 1996 г. под заголовком «Ада, или Радости страсти: Семейная хроника» (СПб: Симпозиум, 2006).

«Ада» – один из самых сложных набоковских текстов, пронизанный замысловатой сетью сквозных мотивов, намёков и ассоциаций. Таким же сложным и по структуре, и по смысловой наполненности является заголовочно-финальный комплекс текста (далее ЗФК), в составе которого мы выделяем четыре элемента:

1. Сложное заглавие – «Ada or Ardor: A Family Chronicle» («Ада, или Радости страсти: Семейная хроника»), представляющее собой синтаксическую конструкцию – бессоюзное сложное предложение, которое состоит из нескольких элементов: имя собственное – Ада (заглавие-антропоним), многозначное слово «Ardor» (заглавие-метафора) и жанровое определение «семейная хроника». Слово «Ardor» пришло в английский язык из латинского. Это многозначное слово, насчитывающее, если верить словарям¹, пять значений: 1) огонь, жар, зной; 2) жаркий климат, жаркий пояс; 3) блеск, сверкание, яркость; 4) пыл, жар, рвение, страсть; 5) страстная любовь, предмет любви.

Значение этого слова В. В. Набоков сам даёт от имени Вивьен Дамор-Блок в «Примечаниях к “Аде”», переводя «дактилический триметр, коему предстояло остаться единственным вкладом Вана Вина в англо-американскую поэзию»: «Ada, our ardors and arbors» – «Ада, наши сады и улады»². Смысловой наполненностью в тексте характеризуются все пять значений этого слова: любовное чувство к Аде Ван характеризует как «сладкий огонь», адская страсть, «ardor»; предмет любви (именно с Адой у Вана ассоциируется это слово), блеск, яркость (как

¹ См.: Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М., 2005; Словарь латинско-русский и русско-латинский. М., 2004.

² Набоков В. В. Ада, или Радости страсти: Семейная хроника // Набоков В. В. Американский период. Собр. соч.: В 5 т. СПб., 2006. Т. 4. С.77, 567. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием номера страницы в скобках.

характеристика внешности пятого поколения Винов), зной в Ардесе; значение огня же проявляет себя на нескольких уровнях: огонь как физический процесс – эпизод, в котором ночь во время пожара Овина стала первой ночью любви детей, другой уровень – «огонь» любви Винов.

Все слова в английском произношении имеют начальное созвучие [ад]. Для английского языка может это созвучие и не несёт дополнительной смысловой нагрузки, но роман – трёхязыковой (соединяющий лексику английского, французского и русского языков) и для читателя, знакомого с русским языком, звуковое сочетание «ад» является определяющим.

2. Предупреждение «от издателя» в позиции эпиграфа: «За исключением м-ра и м-с Рональд Оранжер, нескольких проходных лиц и кое-каких неамериканских граждан, все люди, поименованные в этой книге, уже мертвы. [Изд.]».

3. Посвящение: «Вере».

4. «Примечания к “Аде”».

В. В. Набоков написал примечание к роману в 1969 г. по просьбе Ровольта (итальянские и французские издатели романа жаловались на трудность перевода романа) и подписал их именем «Vivian Darkbloom». Они вышли приложением к роману в издании «Penguin Books», но при жизни Набокова больше нигде не публиковались. Набоков «словно боялся, что они станут, подобно пушкинским комментариям к “Евгению Онегину” или комментариям Элиота к “Бесплодной земле”, ненужной, но неотъемлемой частью»¹.

Задача нашего исследования – сопоставить эти примечания как постпозицию текста с препозицией – заголовочным комплексом. Постпозиционные элементы и препозиция могут вступать в отношения диалога, а отношения эти могут быть, как взаимодополняющие, так и оппозиционные. В «Аде» мы отмечаем диалог начала и конца на уровне экспликации нарратора, точнее – фиктивного комментатора.

Имя, выбранное для мнимого автора «Примечаний» – Вивьен Дамор-Блок, не впервые встречается в творчестве Набокова, это же имя упоминается в «Предисловии» к роману «Лолита»: «Г-жа Вивиан Дамор-Блок (Дамор – по сцене, Блок – по одному из первых мужей) написала биографию бывшего товарища под каламбурным заглавием “Кумир мой”, которая скоро должна выйти в свет; критики, уже ознакомившиеся с манускриптом, говорят, что это лучшая её вещь»². С. Ильин и А. Люксембург в комментариях к «Лолите» рассматривают это имя

¹ Бойд Б. Владимир Набоков: Американские годы: Биография. С. 680.

² Набоков В. В. Лолита // Набоков В. В. Американский период. Собр. соч.: В 5 т. СПб., 2003. Т. 2. С. 12.

как анаграмму имени и фамилии писателя, а «добавленное в русской версии “Дамор – по сцене, Блок – по одному из первых мужей” намекает на роль, которую сыграла поэзия А. Блока в становлении Набокова-поэта. В тексте в дальнейшем обнаруживаются аллюзии на Блока. В английской версии любовницу Куильти зовут Vivian Darkbloom»¹. По аналогии с русским переводом «Лолиты», С. Ильин – переводчик «Ады» – имя мнимого автора «Примечания к “Аде”» даёт в тексте «Вивьен Дамор-Блок».

Традиционно примечания разделяют на примечания, написанные самим автором, и примечания профессиональные, написанные исследователями. Сейчас к этой классификации добавилось деление по семантико-функциональному типу – на традиционные и игровые. По форме «Примечания к “Аде”» – это примечания, написанные как бы сторонним исследователем, но, конечно, – это автокомментарий.

Примечание – это сообщение сведений, дающих комментарий к тексту, но не его толкование, интерпретацию; в примечании, по определению, полностью элиминируется личность автора. Традиционные примечания (и авторские и профессиональные) предполагают краткость, сжатость, лаконичность. Каждая единица примечания нумеруется и отсылает к идентичному номеру сноски в самом тексте. Таким образом, нумерация является формальной скрепой текста и комментариев к нему. Комментарии при этом способствует читательскому пониманию, но не заменяет его активной позиции в процессе чтения. За читателем остаётся право выбора чтения двумя способами: либо параллельное чтение основного текста и примечаний к нему, либо чтение самого текста произведения с последующим обращением (или не обращением) к примечанию².

Литературе XX века свойственен отход от традиций, это проявляется и в авторских примечаниях (заметим, что только в авторских), которые не только помогают понять, уточнить произведение, но и начинают вступать в игровые отношения с текстом. В статье «Поэтика примечаний в современной поэзии» Н. А. Кузьмина отмечает, что «во всех игровых примечаниях нарушается правило фактографичности, объективности изложения» и классифицирует примечания (на примере по-

¹ Набоков В. В. Лолита. С. 602.

² Р. Д. Тименчик, рассуждая о примечаниях, заметил, что «сноска... властно темперирует текст. Астериск или номерок – насилие над текстом уже потому, что заставляет остановиться, отвести взгляд, выйти из текста, перечитать его. Есть сноски, в которых императив паузы важнее подвешенной для мотивировки подстрочной информации». См.: Тименчик Р. Д. Монологи о комментариях // Текст и комментарий. Круглый стол к 75-летию Вяч. Вс. Иванова. М., 2006. С. 48.

этических текстов) по характеру нарушаемых стереотипов, так как «игра всегда строится на опровержении стереотипов, жанровых канонов»¹. Игровые примечания нарушают лаконичность и постулат релевантности, могут нарушать постулат содержательности (высказывание не должно быть бессодержательным или ложным), объективность изложения. В итоге – «современное авторское примечание нарушает стереотип дополнительности, факультативности, вторичности примечания, которое и по объему, и по значимости становится обязательным и важным элементом произведения, усложняющим структуру текста. Оно может не только дополнять текст, но и полемизировать с ним, вводить новую информацию, требующую комментария»². Примечания В. В. Набокова к роману «Ада» по своему оформлению сложнее авторских – как традиционных, так и игровых примечаний. Они не просто изменяют, но во многом и преодолевают сложившийся канон написания такого рода текстов³.

Анализ структуры и содержания «Примечания к “Аде”» позволяет выделить следующие отличительные черты:

1. В тексте романа нет сносок, которые бы отправляли читателя к комментарию «непонятого» места в «Примечании».

2. Это игровое примечание, псевдоакадемическое, ироническое. Комментарии Вивьен Дамор-Блок не только объясняют загадки текста, отмечают трудные для понимания каламбуры, аллюзии, авторские намеки, но и создают новые, пускают читателя по ложному следу, что и вынуждает переводчиков писать дополнительные комментарии к роману (профессиональные), где оговариваются «неточности» у Вивьен Дамор-Блок. Например, она путает цитаты: строки «отрок нежный, отрок милый» комментируются как «перифраз стихов Хаусмана» (565), а это строки А. С. Пушкина. Или один из комментариев С. Ильина и А. Люксембурга к роману сообщает: «sturb – Учтём, что вопреки утверждению Дамор-Блок, формы sturb (от нем. глагола sterben – “умереть”) не существует» (651). Вивьен запутывает читателя и в вопросе авторства «Ады»: то она подразумевает под автором Вана Вина, а однажды оговаривается про авторство В. В. Набокова, рассуждая о его книгах, что является своеобразным отходом от выбранного ею принципа очень кратких комментариев: «Осберх – ещё одна добродушная анаграмма,

¹Кузьмина Н. А. Поэтика примечаний в современной поэзии // Текст и комментарий. Круглый стол к 75-летию Вяч. Вс. Иванова. С.95.

² Там же. С. 112.

³ Первый опыт с подобными текстовыми структурами у В. В. Набокова встречается в романе «Бледное пламя» (1962), который включает в себя комментарии и указатель, написанные от имени Ч. Кинбота, но это элементы текста, а не паратекста.

болтуня, сооружённая из имени писателя, с которым довольно комичным образом сравнивают автора «Лолиты». Кстати сказать (если безымянный, но напыщенный олух из недавнего выпуска TLS позволит нам подобное замечание), и в английском, и в русском языке заглавие этой книги звучит не совсем правильно» (568) или: «Пат Рицианский – обыгрывается английское “patrician” (“патрицианский, аристократический”). Вспоминается Подгорец (Underhill), прилагающий этот эпитет к всеми любимому критику, претендующему на роль знатока русского языка, в особенности того, на котором говорят в Минске и иных местах. Минск, в одном ряду с шахматами, фигурирует также в Шестой главе “Speak, Memory” (P.133, NY ed. 1966)» (575).

3. «Примечание к “Аде”» обнажает проблему субъекта высказывания в романе. Дамор-Блок, с одной стороны, является неким исследователем творчества В. В. Набокова, с другой – это персонаж его же произведения «Лолита», к тому же не забудем, что это анаграмма имени автора, фиктивный комментатор романа.

4. Объём «Примечания» строго соответствует объёму глав, т.е. повторяет особенности построения текста самого романа: вторая часть = $\frac{1}{2}$ первой части, третья часть = $\frac{1}{2}$ второй части, четвёртая часть (таким образом) = $\frac{1}{16}$ первой части. Вряд ли такой объём комментариев можно объяснить варьированием количества «трудных мест» в «Аде» в зависимости от главы.

Сопоставление примечания с препозицией текста заставляет обратить внимание на то, как создаётся образ В. Дамор-Блок В. В. Набоковым.

Дамор-Блок является не первым комментатором романа. Издатель романа – м-р Оранжер – тоже комментирует текст и пишет предисловие. Образ издателя вырисован в романе, причём издатель не только комментирует текст, но и заканчивает его, даже не отделяя свой текст от текста нарратора Вана Вина. Дамор-Блок, по сравнению с издателем – образ стороннего комментатора. Она в тексте никак не упоминается и себя никак не позиционирует (не критик, не исследователь, не филолог). В тоже время она пытается структурировать объём своих примечаний так же, как структурирован роман.

Сложно определить, по какому принципу выбирает Дамор-Блок «сложные» места романа для комментирования. В основном её примечания – это перевод слов и фраз из романа с французского языка, например: «roug attraper le client – чтобы подурочить покупателя» (565), а если ей приходится делать перевод с другого языка, то в скобках он указывается: «police verso (лат.) – большой палец книзу» (566). Но она плохо знает французский, даёт неверные комментарии, например:

«пеньюар (русс.) – род халатика» (565). Она плохо знает и русский язык: «мизерный – франко-русская форма слова “мизерабль” в значении “отверженный”» (564), в то время как в Толковом словаре под редакцией Д. Н. Ушакова даётся следующее определение этого слова: «мизерный (от франц. misere – пустяк, несчастье, бедность) (разг.) – маленький, незначительный по размерам; бедный, жалкий, мизерный кусочек, мизерная обстановка в комнате»¹. Другой пример: «*amour propre, sale amour* – каламбур, заимствованный из толстовского “Воскрешения”» (573), где она искажает название знаменитого романа.

Но Дамор-Блок даёт не полные комментарии некоторых элементов текста. Так, фамилию одного из персонажей «Громвель» она комментирует следующим образом: «Громвель (от англ. Gromwell) – воробейник лекарственный» (580). Это фактически верный комментарий, но он не учитывает ещё один вариант комментирования: Cromwell, т.е. Кромвель. А порой она повторяется в своих комментариях, например слово «D'accord» она комментирует два раза и оба раза переводит по-разному: «договорились» (573) и «согласен» (578).

Интересно было бы обратить внимание и на то, к какому пространству романа принадлежит В. Дамор-Блок. Действие романа разворачивается в вымышленном мире – Антитерре, который во многом похож на нашу Землю, отчасти параллелен ей. Есть ещё один мир в тексте – Терра, который отвергают как «блажь и обман» (28), а философы Антитерры называют его «кривым зеркалом нашего кривого мира» (28). В. Дамор-Блок комментирует понятия, явления, элементы, принадлежащие трём мирам: Земле, Антитерре и Терре. Примерами являются следующие комментарии: «“Микрогалактики” – книга, известная на Терре как “Дети капитана Гранта” Жюль Верна» (575); «Мадмуазель Стопчина – делегат мадам де Сегюр, урождённой Ростопчиной, автора “Приколочений Сонечки” (“Le Malheurs de Sophie”), номенклатурно замещаемых на Антитерре “Приключений Сванна” (“Le Malheurs de Swann”))» (569–570) и о явлениях пространства земного: «“La Riviere de Diamants” – Мопассана с его “La Parure” на Антитерре не существует» (568).

Примечания В. Дамор-Блок не соответствуют академическому типу примечаний, так как Дамор-Блок не всегда называет язык, с которого делает перевод. К тому же комментируемые элементы текста оформлены не полностью: комментируемая фраза в примечании чаще всего представлена лишь одним словом или даже только начальными

¹ Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1996. Т. II. Стб. 210.

буквами слова. Например: «Же... (русск.) – искажённое je t'en prie (пожалуйста! – фр.)» (578).

Дамор-Блок пытается не просто комментировать текст, но и анализировать его, например: «Последний абзац Части первой нарочитой резкостью интонации (как будто вдруг вступает чужой голос) имитирует знаменитое толстовское окончание с Ваном в роли Кити Левиной» (579).

В целом, образ В. Дамор-Блок – это образ стороннего читателя и комментатора, который ошибается, комментирует очень кратко, повторяется и даже пытается анализировать поэтику романа.

В. Дамор-Блок – это комментатор романа, заявленный в позиции, но не единственный. Комментаторами становятся и сами герои – Ван Вин и Ада Вин. Их комментарии в романе очень много, причём они не всегда маркируются графически – скобками, комментарии могут прерывать повествование и без маркеров вводиться в форме диалога, совместного воспоминания. Заглавие роману якобы дают сами герои, и третья часть заглавия – «семейная хроника» – становится ещё одним своеобразным комментарием текста.

Третий комментатор романа – издатель м-р Оранжер. Он отходит от традиционного комментирования текста исследователем на разных уровнях. Во-первых, на уровне маркировки комментария, так как Оранжер размещает комментарий прямо в тексте, отделяя его от текста нарратора только скобками (в отличие от Вана Вина он использует не круглые, а квадратные скобки). Во-вторых, его комментарии по содержанию порой просто издательские пометы, например: «Ван, это заставит тебя улыбнуться [так в рукописи. Изд.]» (357); или записи, направленные на то, чтобы помочь читателю ориентироваться в тексте: «Осенью 1891-го она прислала ему из Калифорнии беспорядочное, безнравственное, безумное, почти бредовое, занявшее десять страниц объяснений в любви, которого мы в этих воспоминаниях обсуждать не станем [см., впрочем, несколько ниже. Изд.]» (352). Часто м-р Оранжер пытается помочь читателю понять, например, отдельные фразы героев: «Не стала бы я упоминать и о том, что продолжай эту вербовку безымянных осведомителей и гонцов, собственная его репутация погибла бы, стоило лишь его поползновениям [sic! Петля, “поползшая” на синем чулке. Изд.]» или даже проанализировать стиль и манеру изложения нарратора: «Описательная интонация укрепляет нас в мысли, что эта речь имеет эпистолярный источник. Изд» (365). Смысловая нагруженность комментариев издателя усложняется ещё и тем, что он может в них отмечать даже собственные мысли, заметки, не относящиеся к ходу повествования: «Как, на свой скромный манер, и издатель “Ады”]» (351). Таким образом, М-р

Оранжер оказывается не только издателем и комментатором текста, но и нарратором, потому что с середины романа сложно понять какому нарратору принадлежит текст: Вану Вину, Аде или м-ру Оранжеру. В последней части романа заключительными являются слова м-ра Оранжера, никак не маркированные. Издатель как бы выполняет функцию последователя, преемника Вана Вина, доводит переданную ему хронику до конца (смерти героев): «...на самом деле вопрос о первенстве в смерти теперь почти не имел значения. Я хочу сказать, что ко времени, когда начнутся всякие страсти-мордасти, герою и героине предстоит так сблизиться, сблизиться органически, что они отчасти сольются, обменявшись сущностями, обменявшись страданиями, и даже если описать в эпилоге кончину Ваниады, мы, писатели и читатели, всё равно не различим (близорукие, близорукие!), кто, собственно говоря, уцелел – Дава или Вада, Анда или Ванда» (557). Причём, если в начале романа издатель пытается копировать стиль автора воспоминаний, не нарушать ткань произведения, то уже через пару абзацев выдаёт себя, предоставляя краткий пересказ произведения, оценку героев и анализ художественных особенностей: «Усадьба Ардис – сады и усадья Ардиса – вот лейтмотив, сквозящий в “Аде”, пространной, восхитительной хронике, основное действие которой протекает в прекрасной как сон Америке...»(561).

Свой комментарий к тексту м-р Оранжер выносит и в позицию эпиграфа как предуведомление читателям. Таким образом, м-р Оранжер определяет границы романа, начинает его и завершает. Он, как и Ван Вин и Ада Вин, становится одновременно и нарратором и комментатором романа. Все они к тому же являются и персонажами «Ады». В этом основное отличие Вивиан Дамор-Блок как комментатора романа: она не персонаж романа, а как бы сторонний читатель. Появление такого типа комментатора – это экспликация ещё одной точки зрения на текст, точки зрения, вступающей в дополнительные отношения с точками зрения главных героев и издателя их романа.

Итак, ЗФК романа поэтапно эксплицирует субъектов высказываний романа: заглавие представлено как заглавие, данное роману главными героями – Ваном и Адой Вин; предуведомление в позиции эпиграфа эксплицирует фигуру издателя м-ра Оранжера, далее посвящение «Вере» эксплицирует собственно автора – В. В. Набокова. Кроме того, в постпозиции, в примечании эксплицируется фиктивный комментатор – Вивиан Дамор-Блок, который представляет собой образ профанного читателя и комментатора. Таким образом, анализ ЗФК романа В. В. Набокова «Ада, или Радости страсти: Семейная хроника» позволил отметить, что ЗФК не только несёт информацию, формирующую

предпонимание текста, направляя читательское восприятие в определённом русле, выполняя функцию уточнения и расширения смыслов текста, указания на скрытые смыслы и возможности текста, вариантов его интерпретации, но и последовательно эксплицирует субъектов высказывания романа. В итоге, перед нами экспликация разных точек зрения на сам текст, вступающих друг с другом в системные отношения.

И. С. Беляева

**ОТБЛЕСКИ «БЛЕДНОГО ПЛАМЕНИ» ВЛАДИМИРА НАБОКОВА:
ФИКЦИОНАЛЬНЫЙ КОММЕНТАРИЙ В СОВРЕМЕННОЙ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

The article discusses the three postmodernist novels with fictional notes which realize the genre potential of V. V. Nabokov's *Pale Fire*.

Key words: fictional notes, postmodernism

Во второй половине XX века, в эпоху постмодернизма, значительно возросло количество игровых художественных текстов с инкорпорированным в них инструментарием, в частности, комментарием, раскрывающим отношение автора к тем структурным и нарративным принципам, которые в них применены¹. Среди этих текстов особое место занимает роман Владимира Набокова «Бледное пламя», являясь поистине знаковым в постмодернистской парадигме: он дал импульс развитию отдельного жанра – жанра постмодернистского романа с комментарием, – и, как показало время, он же остался непревзойдённым: богатейший и разнообразнейший набор приёмов и проявлений фикционального комментария в романе «Бледное пламя» поневоле ограничивает инновационные возможности последующих текстовых игр с комментарием.

Фикциональность комментария в логике Жерара Женетта может быть определена адресантом комментария в его отношении к толкуемому им основному тексту; отношение это характеризуется принципиальной «несерьёзностью», т.е. ложностью атрибуции комментария: комментарий позиционируется как написанный не реальным автором произведения и не реальным его исследователем, но вымышленным автором основного текста, или его персонажем, или посторонним ему, но

¹ Люксембург А. М. Игровая поэтика: введение в теорию и историю // Игровая поэтика: Сб. науч. трудов ростовской школы игровой поэтики. Ростов-на-Дону, 2006. Вып. 1. С. 16–17.